

Аналитическая статья

УДК 314/316

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-258-24-33

КОНЦЕПЦИЯ Н. ЛУМАНА И ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Доржи Львович Хилханов

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

khiklhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Аннотация. Теоретические концепции информационного общества начали формироваться с 1960-х гг. При описании современного информационного общества одной из основных концепций является концепция М. Кастельса, которая рассматривает сразу несколько основных сфер информационного общества: от экономики и технологий до культурных феноменов. Н. Луман, один из самых влиятельных философов и социологов XX в., не писал конкретно об информационном обществе. В своих работах он делал акцент не на информации как таковой, а на коммуникации, но при этом многие его идеи применимы к анализу информационного общества. Луман фокусирует внимание на том, как именно система медиа конструирует наблюдаемую реальность. Важной при этом является сама функция, а не технологические особенности коммуникационного канала. Внутрисистемная коммуникация обеспечивается особыми символическими средствами, а межсистемная коммуникация достаточно затруднена, поскольку каждая система избирательно реагирует на процессы в других системах. Реальность массмедиа замещает собой объективную реальность в социальной коммуникации. В теории информационного общества Кастельса подчеркивается, что цифровые сети трансформируют пространство, время и социальные практики. Цифровые технологии и Интернет составляют основу сетевого общества. В таком обществе, в пространстве потоков, реальное и виртуальное смешиваются, создавая новую гибридную реальность.

Ключевые слова: Н. Луман, М. Кастельс, информационное общество, массмедиа, реальная виртуальность

Для цитирования: Хилханов Д. Л. Концепция Н. Лумана и теории информационного общества // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 2 (58). С. 24–33. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-258-24-33>

Analytical article

UDC 314/316

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-258-24-33

LUHMANN'S CONCEPT AND THE THEORIES
OF THE INFORMATION SOCIETY

Dorzhi L. Khilkhanov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

khilkhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Abstract. Theoretical concepts of the information society began to take shape in the 1960s of the twentieth century. Today, one of the main concepts in describing the modern information society is M. Castells' concept. His concept examines several main areas of the information society at once: from economics and technology to cultural phenomena. N. Luhmann, one of the most influential philosophers and sociologists of the 20th century, did not write specifically about the information society. In his works, he focused not on information per se, but on communication. At the same time, many of his ideas are applicable to the analysis of the information society. Luhmann focuses on how the media system constructs the observed reality. The function itself is important, rather than the technological features of the communication channel. Intrasystemic communication is facilitated by specific symbolic means, while intersystemic communication is more challenging, as each system responds selectively to processes in other systems. The reality of mass media replaces objective reality in social communication. Castells' theory of the information society emphasizes that digital networks transform space, time, and social practices. Digital technologies and the Internet form the basis of a networked society. In such a society, in the space of flows, the real and the virtual are mixed, creating a new hybrid reality.

Keywords: N. Luhmann, M. Castells, information society, mass media, real virtuality

For citation: Khilkhanov, D. L. (2026). Luhmann's concept and the theories of the information society. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (2 (58)), 24–33. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-258-24-33>

Введение

Информационное общество — это стадия развития цивилизации, при которой главным ресурсом становятся информация, знания и способы их обработки, а материальные блага или материальные продукты постепенно теряют значимость для большинства членов общества. Информация пронизывает абсолютно все социальное пространство, стирает пространственные, временные, социальные, языковые и иные барьеры. Теоретические концепции информационного общества начали формироваться с 1960-х гг. [Уэбстер, 2004, с. 20]. Одной из основных концепций при описании современного информационного общества является концепция

М. Кастельса [Кастельс, 2000], которая рассматривает сразу несколько основных сфер информационного общества: от экономики и технологий до культурных феноменов. Н. Луман, один из самых влиятельных философов и социологов XX в., не писал конкретно об информационном обществе. В своих работах он делал акцент не на информации как таковой, а на коммуникации [Луман, 2004], но при этом многие его идеи, применимы к анализу информационного общества [Филиппов, 2003].

Методологические основания

Ключевые теории информационного общества можно разделить на несколько направлений. Концепции Д. Белла, Э. Тоффлера, Е. Масуда рассматривали информационное общество как новую стадию исторического развития, как результат и следствие технологических революций. Как правило, в данных подходах, игнорируются социальные, политические и экономические противоречия, технологический прогресс интерпретируется как линейный и бесконфликтный.

Важнейшей экономической приметой постиндустриального строя Д. Белл считает взрывной рост производства услуг и информации [Иноземцев, 2004]. «Первой и простейшей характеристикой постиндустриального общества является то, что большая часть рабочей силы уже не занята в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, а сосредоточена в сфере услуг, к которой относятся торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия развлечений, а также сферы науки, образования и управления» [Белл, 2004, с. 18]. В дальнейшем его концепция стала основой для теорий информационного общества.

В экономических концепциях информационного общества, например в наиболее известных работах М. Кастельса, информация становится ключевым фактором производства и ценным товаром. В трудах Г. Шиллера, Д. Смайта, Н. Штера информационное общество рассматривается как стадия информационного империализма [Schiller, 1992, p. 88]. Информация становится средством эксплуатации, контроля и коммодификации.

В культурологических концепциях, например в работах Ж. Бодрийяра и Жан-Франсуа Лиотара, рассматривается глобальное влияние информационного общества на трансформацию культуры и идентичности, на формирование гиперреальности, феноменов плюрализма и фрагментации знаний [Бодрийяр, 2015].

В трудах Б. Веллмана и Яна ван Дейка анализируются влияние новых коммуникационных технологий на социальные связи и структуры, описываются феномены сетевого индивидуализма и сетевого сообщества [Van Dijk, 2012].

Дискуссионные вопросы

В теории социальных систем Никласа Лумана общество состоит из совокупности коммуникаций. Процессы производства, переработки и распространения

коммуникаций становятся основными. Люди и психологические системы, по Луману, находятся вне социальной системы, но являются для нее необходимым окружающим миром. Для Лумана система создается и поддерживается именно через границу между системой и окружением. Окружение всегда сложнее, изменчивее, хаотичнее, чем система. Система создает свой внутренний редуцированный порядок, выбирая из окружения только те элементы и отношения, которые значимы для ее аутопоэзиса, или самовоспроизводства. У Лумана система и окружение — это не две части одного целого, а две стороны одной границы, создаваемой в процессе наблюдения. Система воспроизводит себя только своими собственными операциями, поскольку является замкнутой. В то же время система создает информацию внутри себя как реакцию на внешние помехи из окружения.

Луман использует понятие «аутопоэзис», заимствованное из биологии и нейрофизиологии. Он применяет его к социальной системе, характеризуя ее как аутопоэтическую, то есть функционирующую согласно собственной логике, самостоятельно воспроизводящую свои основные элементы, самореферентную и замкнутую, лишённую прямых связей с окружением. Все социальные системы, включая само общество, являются аутопоэтическими.

Современное общество, по Луману, функционально дифференцировано на автономные подсистемы: право, политика, экономика, наука, религия и др. У каждой подсистемы есть свой уникальный бинарный код (например, у экономики — оплата/неоплата, у политики — власть/отсутствие власти). Информационное общество усиливает эту дифференциацию. Коммуникации в каждой системе ускоряются и становятся все более разнообразными и непохожими друг на друга. То, что является информацией для одной системы, будет «шумом» для другой [Туманова, Сафонов, 2022]. При этом коммуникации, по Н. Луману, осуществляются скорее внутри подсистем, нежели между ними [Шацкий, 2018, с. 609]. Так как каждая система оперирует лишь своим кодом, то информационное общество в целом — это общество организованной неопределенности. Это не сетевое общество, а общество коммуникативных сетей. Так, подсистемы права и политики фактически по-прежнему привязаны к определенным национальным государствам, поэтому не существует единого информационного общества, а есть глобализация множества функциональных подсистем.

М. Кастельс, испанский социолог, автор самой известной современной теории информационного общества, в отличие от Лумана, делает акцент не на коммуникации, а на информации, при этом он говорит не просто об информационном, а об информациональном обществе. Исследователь разграничивает два понятия: информационное общество и информациональное общество. Если в первом случае подчеркивается определяющая роль информации в обществе (в концепции Кастельса, информация и обмен информацией сопровождали развитие цивилизации на протяжении всей истории человечества), то в информациональном обществе генерирование, обработка и передача информации

стали фундаментальными источниками производительности и власти. Кастельс отмечал, что с конца XX в. человечество переживает структурную революцию. На смену индустриальному обществу приходит сетевое, где главными факторами становятся информация и знания в противовес материальному производству, а также сети как организационная основа всех сфер общества (экономики, политики, культуры, социальных отношений). Это способ развития, при котором источник производительности заключается в технологиях генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Ключевым фактором является воздействие знания на само знание как главный рычаг увеличения производительности. В этих условиях возникает сетевое общество как новая социальная структура информационного способа развития. Власть и важнейшие функции организуются в сетях, которые пронизывают все сферы жизни: экономику, политику, культуру. Информационализм является способом развития, а сетевая структура становится общественной формой. Технологии не причина, а материальная основа, позволившая этой новой форме возникнуть и распространиться.

К ключевым характеристикам сетевого общества относится пространство потоков. Под потоками Кастельс понимал целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества. Особенно важными становятся потоки капитала, информации и технологий в противовес конкретным географическим объектам, например городам. Современные элиты формируются и развиваются в этом глобальном пространстве потоков.

В сетевом обществе Кастельса технологии и сети стали новыми социальными и экономическими явлениями, которые, с одной стороны, создают новые возможности для коммуникации и инноваций, а с другой стороны, провоцируют новые формы отчуждения, контроля, неравенства. Под влиянием СМИ и интернета стирается граница между реальным событием и его медийной репрезентацией: появляется феномен реальной виртуальности. Формируется гипертекст культуры, где все элементы связаны посредством ризоморфной системы коммуникации [Deleuze, Guattari, 1978]. Коммуникации являются горизонтальными, децентрализованными и мобильными. Общество делится не только на традиционные классы/страты, но и, по принципу доступа к сетям, на включаемые и исключаемые слои. Включаемые — это те, кто может активно пользоваться сетями. Исключаемые — это те, кто лишен доступа к информационным ресурсам и технологиям, например бедные и неквалифицированные жители отдельных регионов и даже стран. Различные социальные и политические движения, от антиглобалистов до национально-автономных центров и современных хештег-движений, также реализуются в сетевой форме.

Особое место в концепциях и Лумана, и Кастельса занимает проблема конструирования/отображения реальности в условиях информационного общества.

У Лумана — это реальность массмедиа, у Кастельса — реальная виртуальность. Последний отмечал тот факт, что в сетевом обществе вся культура (символы, искусство, политика) поглощается экранами и мультимедийными системами.

Реальная виртуальность — это система, в которой сама реальность полностью захвачена и переработана цифровыми медиа, и виртуальность становится не дополнением, а основным пространством жизни и смыслов. Это не значит, что реальный физический мир исчезает. Это означает, что наше восприятие, взаимодействие и конструирование реальности все больше опосредованы и сформированы экранами, интерфейсами, цифровыми образами и сетевыми коммуникациями.

Кастельс выделяет следующие характеристики реальной виртуальности:

1. Доминирование гипертекстуальности и мультимедийности. Культура создается из цифровых фрагментов в виде текстов, изображений, видео, звуков, которые свободно комбинируются и распространяются в сетях. Происходит стирание границ между жанрами и формами.

2. Основное средство взаимодействия с миром — экран гаджета: компьютера, смартфона, телевизора. Через него мы работаем, общаемся, потребляем культурные продукты, развлекаемся, получаем новости и др.

3. Исчезновение разделения на контексты. В условиях реальной виртуальности стирается грань между реальным и вымышленным, между публичным и приватным, между развлечением и информацией.

4. Символическая среда — зеркало коммуникации. Наличие цифровых символов, например лайков, становится необходимым условием для успеха в социальных сетях.

5. Принцип интерактивности. Реальная виртуальность формируется в условиях активного взаимодействия, когда пользователи создают контент, меняют сценарии, живут в симулированных мирах. Это сфера, где цифровые образы обладают реальными социальными последствиями.

Теория Н. Лумана рассматривает массмедиа не как инструмент отражения реальности, а как автономную социальную систему [Антоновский, 2005]. Эта система самореферентная, и медиа производят свою реальность согласно собственным правилам и кодам. В информационном обществе скорость и объем самовоспроизводства коммуникаций резко возрастают благодаря массмедиа, поэтому система становится сложнее и динамичнее.

«Как и в других функциональных системах, специфический код [системы массмедиа] тоже является предпосылкой обособления особой функциональной системы общества. Под “обособлением” понимается эмерджентное развитие особенной подсистемы общества, которая реализует признаки системообразования и, прежде всего, аутопойетическое самовоспроизводство, самоорганизацию, структурную детерминацию и — благодаря всему этому — операционную замкнутость. В данном случае речь идет не только о феномене, который может отличить наблюдатель, ставящий перед собой такую задачу. Система отличает сама себя» [Луман, 2005, с. 42]. Основной код медиасистемы

является бинарным: информация/неинформация. Процесс превращения события в новость зависит не от важности события, а от внутренней логики медиа: сенсационность новости, ее новизна, наличие конфликта и др. Реальность, которую мы воспринимаем через СМИ, является на самом деле конструктом, результатом операций самой медиасистемы. Люди живут в опосредованном массмедиа мире, поэтому у них нет доступа к «реальной реальности». Реальность массмедиа является единственной социально значимой реальностью, так как она структурирует восприятие мира. Это не виртуальность, а основная форма социальной реальности в современном обществе. Поэтому главной функцией медиа является не само информирование, а создание непрерывно воспроизводимой, редуцированной картины мира, которая позволяет обществу наблюдать за самим собой. По сути, медиа решают проблему чрезмерной сложности системы и создают упрощенную и операбельную версию реальности. «Функция массмедиа, согласно всему рассмотренному выше, состоит в управлении самонаблюдением общественной системы, — под этим подразумевается не спецификация некоторого объекта среди других, а некий способ разделить мир на систему (а именно общество) и внешний мир. Речь идет об универсальном, а не об объектно-специфическом наблюдении» [Луман, 2005, с. 151].

Таким образом, Луман фокусирует внимание на том, как именно система медиа конструирует наблюдаемую реальность. Важной при этом является сама функция, а не технологические особенности коммуникационного канала. Внутрисистемная коммуникация обеспечивается особыми символическими средствами (власть в политике, деньги в экономике, закон в праве и т. д.), а межсистемная коммуникация достаточно затруднена, поскольку каждая система избирательно реагирует на процессы в других системах. Реальность массмедиа замещает собой объективную реальность в социальной коммуникации. Возможными негативными последствиями реальности массмедиа являются угрозы возможного аутопойетического замыкания системы и потери связи с другими системами.

В теории информационного общества Кастельса подчеркивается, что цифровые сети трансформируют все пространство, время и социальные практики. Цифровые технологии и интернет составляют основу сетевого общества. В таком обществе, в пространстве потоков, реальное и виртуальное смешиваются, создавая новую гибридную реальность. При этом возникают новые формы неравенства в виде цифрового разрыва, меняется идентичность, создаются новые социальные и политические движения [Хилханов, 2005].

Заключение

Современное общество, по Луману, функционально дифференцировано на автономные подсистемы: право, политика, экономика, наука, религия и т. д. У каждой подсистемы есть свой уникальный бинарный код. Информационное

общество только усиливает эту дифференциацию. В эпоху интернета коммуникации в каждой подсистеме ускоряются и становятся все более разнообразными и непохожими друг на друга. Так как каждая система оперирует лишь своим кодом, информационное общество в целом представляет собой общество организованной неопределенности. Поэтому не существует единого сетевого общества, а вместо него мы наблюдаем общество множества коммуникативных сетей. Также не существует единого глобального информационного общества, а существует множество функциональных подсистем. Кастельс же подчеркивает, что все важнейшие функции общества организуются в сетях, которые пронизывают все сферы жизни, подсистемы по Луману: экономику, политику, культуру и др. Информационализм является универсальным способом развития, а сетевая структура — глобальной общественной формой.

Луман и Кастельс сходятся в том, что наша повседневная реальность в большей степени сконструирована массмедиа (у Лумана) или цифровыми сетевыми технологиями (у Кастельса).

Реальность массмедиа Лумана дает объяснение того, как любые медиа создают символическую картину мира. Он рассматривает массмедиа не как инструмент отражения реальности, а как автономную социальную систему. Эта система самореферентная, и медиа производят свою реальность согласно собственным правилам и кодам.

Основным различием во взглядах Лумана и Кастельса является то, что первый из них подчеркивает функциональную и операциональную замкнутость системы. Его подход является более абстрактным и теоретическим, нежели эмпирическим. Кастельс же эмпирически описывает социальную трансформацию общества в условиях стремительного развития цифровых технологий и интернета. Его реальная виртуальность состоит из цифровых символов и образов, которые заключают в себе несомненный эмпирический опыт.

Список источников

1. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
4. Филиппов А. Ф. Теория систем: аутопойесис продолжается // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 1. С. 50–58.
5. Иноземцев В. Л. Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. С. IX–LXXXIV.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 788 с.
7. Schiller H. I. Mass communications and American Empire. Boulder, Colorado: Westview Press, 1992. 214 p.

8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
9. Van Dijk J. General conclusions // Van Dijk J. *The network society*. London: Sage Publications, 2012. P. 272–278.
10. Туманова А. С., Сафонов А. А. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 6–25. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-6-25>
11. Шацкий Е. История социологической мысли / общ. ред А. Васильева. М.: Новое литературное обозрение. 2018. Т. 2. 720 с.
12. Deleuze G., Guattari F. *Rhizome. Introduction*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1976. 74 p.
13. Антоновский А. Ю. Массмедиа — трансцендентальная иллюзия реальности // Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005. С. 221–248.
14. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005. 256 с.
15. Хилханов Д. Л. Этническая идентичность и этносоциальные процессы в Бурятии: история и современность. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2005. 207 с.

References

1. Webster, F. (2004). *Theories of the information society* (M. V. Arapova, N. V. Malykhina, Trans.; E. L. Vartanova, Ed.). Aspect Press. (In Russian).
2. Castells, M. (2000). *The information age: economy, society, and culture* (O. I. Shkaratan, Trans.). Higher School of Economics. (In Russian).
3. Luhmann, N. (2004). *Society as a social system* (A. Yu. Antonovsky, Trans.). Logos. (In Russian).
4. Filippov, A. F. (2003). System theory: autopoiesis continues. *Sociological Review*, 3, (1), 50–58. (In Russian).
5. Inozemtsev, V. L. (2004). The post-industrial world of Daniel Bell. In Bell, D. *The coming post-industrial society: a venture in social forecasting* (V. L. Inozemtsev, Trans.; IX–LXXXIV). Academia. (In Russian).
6. Bell, D. (2004). *The coming post-industrial society: a venture in social forecasting* (V. L. Inozemtsev, Trans.). Academia. (In Russian).
7. Schiller, H. I. (1992). *Mass communications and American Empire*. Westview Press.
8. Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and simulations* (A. Kachalov, Trans.). POSTUM. (In Russian).
9. Van Dijk, J. (2012). General conclusions. In Van Dijk J. *The network society* (pp. 272–278). Sage Publications.
10. Tumanova, A. S., & Safonov, A. A. (2022). Civil society in the information and digital age: problems of transformation and adaptation. *The World of Russia*, 31, (2), 6–25. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-6-25> (In Russian).
11. Shatsky, E. (2018). *History of sociological thought* (A. Vasiliev, Ed.; vol. 2). New Literary Review. (In Russian).
12. Deleuze, G., & Guattari, F. (1976). *Rhizome. Introduction*. Les Éditions de Minuit.
13. Antonovsky, A. Yu. (2005). Mass media as a transcendental illusion of reality. In Luhmann, N. *The reality of mass media* (A. Yu. Antonovsky, Trans.; pp. 221–248). Praxis. (In Russian).

14. Luhmann, N. (2005). *The reality of the mass media* (A. Yu. Antonovsky, Trans.). Praxis. (In Russian).

15. Khilkhanov, D. L. (2005). *Ethnic identity and ethnosocial processes in Buryatia: history and modernity*. VSGAKI. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Доржи Львович Хилханов — доктор социологических наук, профессор, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Dorzhi L. Khilkhanov — Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Institute for the Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia.

khiklhanovdl@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>